

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРГАНИЗОВАННЫХ СИСТЕМ

**Системный подход к обоснованию
направлений и конкретных мер
государственной региональной политики ***

В. Н. Лексин

В настоящей статье государственная региональная политика понимается как результат разработки и реализации разноуровневыми органами власти парадигмы целенаправленных изменений структуры и параметров территориальной организации общества. Это — необычайно сложный во всех отношениях предмет регулятивных действий государства, и естественно предположить, что эти действия должны быть научно обоснованы с использованием методологии системной регионалистики — направления научных и прикладных исследований, сложившегося в Институте системного анализа РАН в последние двадцать лет.

Системная регионалистика есть совокупность междисциплинарных исследований, позволяющих сформировать доказательные представления о сути территориально опосредованных процессов общественного бытия, их генезисе и трансформации. Системная регионалистика формирует научную картину региональных ситуаций и проблем, максимально адекватную фактической структуре политических, экономических и социальных процессов на территории государства в их взаимной связи, в каждой его территориальной единице, в ареале действия (проявления) любой общественно значимой ситуации или проблемы. Системная регионалистика предполагает существование незамутненных взглядов на реальную расстановку сил и интересов субъектов любых территориально опосредованных отношений, она учитывает фактически сложившуюся в каждом регионе структу-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 07–02–00373а).

ру правоустановленных и неформальных действий всех участников этих отношений — властей разных уровней, населения и его отдельных групп, независимых субъектов рынка, регионально и местно ориентированных организаций, учреждений и предприятий социальной и инженерной инфраструктуры, крупнейших корпораций и естественных монополий.

Системная регионалистика, как любое учение, подвижна, и ее постулаты подтверждаются, развиваются, опровергаются, прежде всего, в связи с информационным и общеметодологическим прогрессом. В настоящее время системное исследование региональных ситуаций и проблем — это соединение новейших информационных (в том числе — геоинформационных) технологий с системным подходом и методологическими открытиями середины и конца XX в., в том числе с гносеологическими аспектами методологии проверки теорий, с концепцией логической асимметрии верификации и фальсификации теорий и следствий, с теорией самоорганизующих систем и строгих методов моделирования качественных изменений, с теорией макросистем, с теорией общественно-социальных систем и концепцией социетальной эволюции, со структурно-функциональной теорией модернизации, с альтернативными теориями индустриального общества, с концепцией устойчивости и «мир-порядка» и рядом других. Изменяются метод, способ, инструментарий познания мира, изменяется и мировоззрение (как структура общепринятых ценностей, постулатов и приоритетов). В современной России эти перемены исключительно радикальны, и уже поэтому системную регионалистику начала XXI в. можно считать новым учением, непохожим на экономгеографические и близкие к ним учения 60–80 гг. XX в.

Системная регионалистика в России по сравнению со своими зарубежными аналогами весьма динамична и потому, что необычайно подвижен ее предмет. За последние 20 лет стали принципиально иными все параметры изучаемого пространства страны (другие границы, другая территория, северно-широтное доминирование), изменились геополитические реалии, характер размещения экономического и социально-инфраструктурного потенциала, изменилась система хозяйственных и социальных стали иными связей, пропорции государственного, частнопредпринимательского и корпоративного воздействия на это размещение, изменилась внешняя среда и масштабы ее воздействия на регионально опосредованную жизнедеятельность общества. В результате кардинально обновилась *сущность* региональных ситуаций и проблем, содержание которых сейчас определяют как все еще существующие рудименты прошлого, так и новейшие явления, процессы и интересы. Ничего подобного в такой короткий срок не было ни в одной стране мира; даже в осколках «большой России» — Советского Союза, в так называемых «государствах СНГ» перемены не были столь радикальными и масштабными.

Трансформационные региональные процессы — весьма драматические и болезненные для населения и страны в целом и необычайно интересные для исследователя — являются уникальным предметом системной регионалистики, и во многом определяют его приоритетные зоны; в течение последнего десятилетия традиционная задача зарубежных региональных исследований: «что, где и почему *происходит*», в России интерпретируется нами как «что, где и почему *изменяется*», интерес к динамике и ее последствиям явно преобладает над интересом к статике.

Как и любая другая система взглядов, системная регионалистика исходит из нескольких базовых положений, совокупность которых можно считать ее своеобразным идеологическим основанием. Таких положений мы насчитываем около двух десятков, и они охватывают широкий круг принципиальных новаций в представлениях о *сути* современных региональных ситуаций и проблем, о *механизмах* их регулирования, *методах и информационных ресурсах* описания и исследования. Практически все фрагменты этого раздела основываются на том или ином концептуальном положении системной регионалистики, и мы кратко остановимся только на трех из них, имеющих наиболее общее значение.

Во-первых, отметим, что за всю историю человечества никто не создал *универсальной теории* местно опосредованного бытия. Все наиболее славное в познании сути территориального возникло в лоне наиболее системоориентированной науки — географии, и пока (за редкими исключениями) остановилось на важнейшем исходном пункте каждой науки — *описании* ее предмета. И — неудивительно, поскольку территориальная, местно-привязанная составляющая (если она только не является лишь игрой географически озабоченного ума) всех сторон жизни — самый увлекательный и самый сложный предмет познания и самый трудный предмет административного регулирования. Наш давний тезис о том, что наладить эффективную хозяйственную деятельность (при этом все знают, что это такое) в самой большой корпорации легче, чем наладить благополучное (при этом никто не может однозначно сказать, что это такое) бытие самого маленького поселка, при его нарочитой гиперболизации представляется нам весьма похожим на истину.

Пока еще не существует *технологий познания* региональной (местной, территориальной) компоненты мира (страны, области, города, деревни), *адекватных сути* этой компоненты, обособливающей и представляющей ее во всей полноте, не сводя к примитивному набору качественно разных предметов (фабрика, дом, транспорт и т. п.). То, что таких технологий нет применительно и к самому человеку (*homo localis, homo regionalis*), — не оправдание, а основная, по нашему мнению, гносеологическая проблема всех наук, связанных с исследованием территорий. Поэтому первая заповедь системной регионалистики — *не завывать способности интуи-*

тивного понимания истинных связей процессов, происходящих на конкретной территории, не сводить территориальное к чему-либо одному (экономическому, социальному и т. д.), быть предельно осторожным в рекомендациях и в оценке потенциальной реализации их последствий.

Во-вторых, отметим, что системная регионалистика рассматривает «территориальное» как *особое* свойство явлений, объектов и процессов. Наша концепция «территориальности» исходит, прежде всего, от признания самого факта наличия *особой сущности* явлений, объектов и процессов, которую они приобретают в связи с их расположением или протеканием в определенных пространственных границах. В связи с этим вполне приемлемым является определение «территории» (региона*) как части пространства страны в границах, установленных в соответствии с каким-либо доминантным для исследования данного явления (объекта, процесса) признаком; чаще всего таковым принимают ареал юрисдикции региональных или местных органов власти (административно-территориальная граница), однако в понятие «территория» идеально вписывается и зона интересов какой-либо корпорации, и пространство местных рынков, и зоны социально-инфраструктурного или транспортного обслуживания и т. п.

Структурно-объектное содержание любой «территории» — *совокупность расположенных на ней частей социального, хозяйственного, административного, природно-ресурсного, национально-этнического и т. п. потенциала страны*. Анализ «параметров» функционирования (и проблем) каждой из этих частей — самая начальная стадия познания и регулирования действительно территориального; главным же является изучение и рекомендации по регулированию связей любых (политических, социальных, хозяйственных и др.) явлений, объектов и процессов с непосредственным географическим местом их протекания, определяющим их генезис, специфику и пространственно опосредованные взаимосвязи.

«Место», «пространство» — это единственно общее, что создает «территориальность» как дополнительное свойство, качество, особенность указанных явлений, объектов и процессов. Если не выделить специфически «территориальное», то все исследования, например, региональной экономики, становятся лишь банальным изучением части национальной экономики в границах округа или области. Задача же действительно регионально ориентированного исследования состоит в том, чтобы доказательно установить, почему что-то происходит *именно* здесь (на этой территории) и каково его влияние на совокупность всего находящегося и протекающего на *этой территории* (от доходов населения до выходящих за пределы территории финансовых потоков или экспортно ориентированной продукции).

* Территория» и «регион» по существу являются синонимами, и их различное употребление связано только с тем, что «регион» отождествляется (в том числе в ряде нормативных актов) с субъектом РФ.

Третьим существенным для дальнейшего изложения концептуальным положением системной регионалистики является представление о *«территориальном развитии»* как *результате сбалансированных изменений*. Заметим, что сосредоточение на любой территории множества противоречивых частных и общественных интересов, скопление самых различных объектов и проблем делают весьма сложной оценку и позитивности любых изменений, которые чаще всего и называют «развитием». «Люди верят, — писал в „Новом Органоне“ Ф. Бэкон, — что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума». Так, к сожалению, произошло со словосочетанием «территориальное развитие» («развитие» региона, города и т. д.). Перенесенное из языка биологии (развитие организма, развитие органической жизни и пр.), техники (развитие авиации и пр.) и политической истории («развитой социализм», «развитие человечества» и пр.) в интересующую нас сферу, территориальное развитие стало пониматься как что угодно, от странного симбиоза количественного роста и усложнения структуры («развитие» городов, «развитие» окраин и пр.) до обретения признаков похожести на что-то более прогрессивное, чаще всего зарубежное, отождествляемое с «развитыми странами».

Однако даже там, где слово «развитие» имеет относительно простое и однозначно понимаемое значение, следует помнить, что это «развитие» не «хорошо» и не «плохо», а лишь *следующий шаг* (биологи, например, не считают, что многоклеточные «лучше» или «хуже» одноклеточных). Регион, город, деревня, функциональная зона трансформируются столь неравномерно и, чаще всего, однобоко, что они просто становятся другими. При этом (как и в любой другой системе) изменяются число, параметры и качественные характеристики прежних компонентов (само пространство, природные ресурсы, хозяйство, люди и т. д.), появляются новые и, главное, изменяются прежние связи между ними, становится иным баланс компонентов.

Может ли этот процесс трансформации быть благом, зависит только от того, *насколько в результате перемен оказываются сбалансированными все составные компоненты потенциала функционирования территории*: социальный (связанный с интересами, качеством и уровнем жизни населения), хозяйственный, природно-ресурсный, экологический и др. Любой перекокс этого баланса ведет к деструкциям (в наиболее резкой форме — к депрессиям). *Любая сбалансированная динамика лучше одностороннего «развития»* (например, только роста рождаемости или роста выпуска экспортной продукции крупной корпорацией). Благополучной же следует считать ту территорию, на которой, например, расширение сверхдоходного предприятия на базе высокопроизводительного оборудования не создают проблему «избыточного» населения или высокие доходы населения не связаны с хищнической эксплуатацией единственного природно-

го ресурса и т. п. Благополучная территория — это территория сбалансированных компонентов («потенциалов») своего функционирования, и считать «территориальным развитием» происходящие на этой территории изменения можно только тогда, когда *позитивная динамика каждого компонента территории не будет вести к дисбалансу остальных.*

В начале XXI в. на территории России можно усмотреть признаки всех общемировых тенденций и закономерностей, свойственных периоду соединения активной регионализации и глобализации (глокализации) процессов общественного развития. Однако ряд собственно российских обстоятельств, в значительной степени имеющих объективный и непреходящий характер, в сочетании с временными обстоятельствами переходного периода делают региональную ситуацию в России весьма специфичной. К наиболее значимым из этих обстоятельств следует, в первую очередь, отнести кардинальное изменение факторов размещения производства и связанного с этим функционирования городских поселений, накопленные и новые проблемы федеративных отношений, кардинальную трансформацию сети и деятельности муниципальных образований, своеобразные формы взаимодействия региональных властей и бизнеса, малую результативность использования традиционных механизмов решения региональных проблем, а также административно-управленческие новации периода «укрепления вертикали власти». Все это накладывает на аномально высокий уровень и постоянное усиление территориальной дифференциации.

Большинство наиболее острых региональных проблем начала XXI в. стало порождением обозначившегося еще в начале 1990-х гг. существенного несоответствия *прежней* схемы развития и размещения производительных сил СССР *новым* — рыночным — принципам экономических отношений. Сложившаяся в советский период территориальная организация общества, *вполне адекватная* политической и экономической модели того периода, не смогла отвечать требованиям нового рыночного экономического порядка и нового федеративного государственного устройства. На смену *централизованно-плановому* распределению хозяйственного потенциала по территории страны пришел преимущественно *регулируемый законами рынка* процесс естественного устремления производства (и экономической активности как таковой) только туда, где для рыночно успешной экономики имеются благоприятные природно-ресурсные предпосылки, транспортная доступность, близость к рынкам сбыта и тому подобные *уже имеющиеся* выгоды географического положения.

В связи с этим в России возникла принципиально новая, не имеющая аналогов ни за рубежом, ни в еще недавнем отечественном прошлом *территориальная среда*, характеризующаяся уникальным (по числу, содержанию и остроте) набором регионально опосредованных проблем. Первой из них следует считать попытки рыночного функционирования сети произ-

водств (и связанных с ними населенных пунктов), созданных в 20–80-е гг. XX столетия и размещенных по критериям эффективности народнохозяйственного комплекса СССР, связанного нерыночными хозяйственными отношениями. Одновременно происходит смена функциональных ролей и геополитического значения отдельных регионов в структуре части бывшей территории СССР, оставшейся в границах нынешней Российской Федерации. В числе новых региональных реалий следует отметить резкое возрастание доли северных территорий с экстремальными условиями проживания населения и ведения хозяйственной деятельности, потерю прежних многочисленных выходов в бассейны Балтийского и Черного морей и отчасти связанное с этим возрастание роли тихоокеанских и северных портов, усиление экономического тяготения Восточно-Сибирских и Дальневосточных территорий к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, увеличение числа приграничных регионов и появление эксклавной территории.

Качественно новыми по содержанию и формам стали отношения региональных и местных властей с хозяйствующими на их территориях субъектами рынка. Региональные и местные власти стремятся к усилению своего регулятивного воздействия на наиболее крупные (градообразующие) или экономически перспективные (эффективные) предприятия. В свою очередь, руководители мощных предприятий (не только нефтегазовых и металлургических корпораций) усиливают влияние на региональные и местные ситуации, не только реально формируя доходную базу бюджетов и обеспечивая работой местное население, но и продвигая в органы власти своих представителей, финансируя общественно значимые проекты и т. п.

Новые факторы, предпосылки и ограничения территориального развития потребовали создания новых форм и механизмов государственного и местного управления в этой сфере. Произошло активное освоение неиспользовавшихся ранее в отечественной и зарубежной практике инструментов государственного воздействия на региональные ситуации. Стали применяться разнообразные методы бюджетной «поддержки» регионов (дотации, субвенции и иные виды трансфертов из федерального бюджета), обновились механизмы программно-целевого управления решением региональных проблем, стали применяться специальные правовые режимы функционирования территорий (например, особые экономические зоны) и т. д. Однако, по общему мнению, новые методы не дали ожидаемых результатов из-за того, что они применялись в отсутствие осмысленной концепции государственного регулирования территориального развития, а поддержка одних регионов, осуществлявшаяся без учета интересов других субъектов Федерации, лишь повышала территориальную дифференциацию и дезинтеграцию. Многообразие методов регулирования само по себе не могло обеспечить системного эффекта. Все это еще раз подчеркивает актуаль-

ность разработки и реализации государственной региональной политики, *адекватной новой региональной ситуации* и способной разрешить принципиальные противоречия между новыми задачами и прежней практикой государственного регулирования территориального развития.

Следует заметить, что региональная политика не «служанка» экономики, и поэтому представляется недопустимым упрощением то, что в большинстве разрабатываемых в России «стратегий», «концепций», «программ» развития регионов и городов в качестве необсуждаемо позитивного результата (и, одновременно — фактора, предпосылки) этого развития называется *развитие экономики*. При этом под *экономическим развитием региона, района, города* чаще всего понимают *рост* макроэкономических параметров (в первую очередь, валового регионального продукта, промышленного производства, платных услуг и т. п.), расширение объемов деятельности всех экономических агентов, зарегистрированных на данной территории, а также расширение числа таких агентов; например, появление в регионе нового предприятия (особенно, крупного) всегда считается свидетельством «развития региона». «Экономика региона, города, района» при этом воспринимается как совокупность бизнеса всех видов собственности и организационных форм, размещенного на соответствующей территории. Логическим развитием такого подхода становится преувеличенное внимание к показателю роста объемов производства по сравнению с такими бесспорными характеристиками развития территории, как, например, снижение бедности или увеличение ожидаемой продолжительности жизни.

В современных концепциях территориального развития следует учитывать, что векторы развития экономики в регионе и развития самого региона не всегда являются однонаправленными. В общем случае регионы получают какую-то выгоду от наличия, роста и развития объектов экономики; прежде всего — это сфера приложения труда для жителей (особенно, если речь идет о производстве услуг, а не о промышленной продукции) и обязательные, хотя и относительно небольшие, бюджетные доходы. В то же время функционирование любых объектов экономики требует изъятия определенной части территориальных ресурсов, может наносить серьезный ущерб окружающей среде, причем денежные компенсации (например, в виде платежей за землю и штрафных экологических санкций), поступающие в региональные и городские бюджеты, никогда не адекватны негативным последствиям хозяйственной деятельности. Существенно также, что повышение вклада конкретного предприятия в рост валового регионального продукта и рост прибыли *за счет перехода к новым технологиям*, как правило, *сокращают* потребность в трудовых ресурсах (в большинстве регионов и городов интересы населения противоположные); то же относится и к росту показателей прибыли предприятий *в связи с повышением цен и тарифов* на их продукцию и услуги полностью или

частично потребляемые на территории региона (в первую очередь, бюджетополучателями).

Поэтому при разработке и реализации государственной региональной политики следует исходить из того, что для любой территории (субъекта РФ, города и т. д.) наибольший интерес представляют такие объекты экономики, деятельность которых: а) увеличивает (как минимум, сохраняет) доходы работающего населения; б) создает (как минимум, не сокращает) дополнительные рабочие места; в) увеличивает (как минимум, не уменьшает) доходную часть бюджета; г) сокращает (как минимум, не увеличивает) потребность в бюджетном финансировании содержания и ремонта жилья и других социальных объектов, благоустройства территории и т. п.; д) сохраняет или снижает уровень цен и тарифов на товары и услуги, производимые в регионе (городе и т. п.) и используемые населением и всеми бюджетополучателями; е) снижает (как минимум, не увеличивает) негативное воздействие хозяйствующих субъектов на окружающую среду, особенно в направлениях, наиболее значимых для данной территории; ж) улучшает (как минимум, не ухудшает) демографическую ситуацию (например, может снизить мотивации оттока населения). Пользой для любой территории может считаться появление или функционирование только такого предприятия, объекта торговли, при котором не нарушено ни одно из этих требований; если же хотя бы одно из этих требований нарушается, необходимы очень серьезные аргументы для реализации предлагаемого проекта.

Следует учитывать и то обстоятельство, что любые меры государственной региональной политики на какой-либо территории (при ограниченности федеральных ресурсов, не позволяющей «поддерживать» остальные территории) могут существенно скорректировать сравнительные характеристики регионов как за счет улучшения этих характеристик в «поддерживаемом» регионе, так и за счет ухудшения ситуации в других (снижение инвестиционной привлекательности, отток квалифицированных кадров и трудоспособного населения, сокращение рынка сбыта продукции и т. п.). Это может произойти при использовании таких мер государственной региональной политики, как, например, прямое софинансирование крупного проекта производственного, инфраструктурного или социального назначения. Так, государственная поддержка строительства (или расширение, модернизация) морского порта в одном регионе может привести к снижению загрузки портов в других. То же относится к строительству федеральных дорог, государственным вложениям в освоение месторождений полезных ископаемых и т. п.

В общем случае вносимые государственной региональной политикой коррективы в рыночно опосредованные схемы конкуренции различных хозяйственных или инфраструктурных объектов изменяют социально-эконо-

мические и даже демографические параметры сопредельных и отдаленных регионов. В результате могут потребоваться компенсационные меры (прежде всего, финансово-бюджетные) государственной региональной политики, направленные на поддержку «ослабленных» территорий. Все эти явления региональной конкуренции необходимо учитывать при разработке и реализации многих решений государственных органов, однако, в настоящее время такие обоснования не проводятся и даже не предусмотрены в методиках обоснования меры государственной региональной политики.

Разнообразие методов и инструментария государственной региональной политики позволяет в каждом конкретном случае использовать те из регулятивных средств этой политики, которые наиболее полно соответствуют *системному характеру* решаемой задачи. Но одновременно возникает сверхзадача — как *определить* именно те направления и объекты, которые являются *наиболее значимыми* для страны и отдельных регионов и которые уже поэтому должны стать *приоритетными* для страны в целом и для каждого региона в отдельности? Как *выбрать* такие объекты государственной поддержки, которые, создавая «точку роста», создавали бы очаги неоправданной региональной конкуренции, не приводили к оттоку населения из районов и без того критического «обезлюдивания»? И т. д., и т. п.

Необходимость *обоснования* и отбора приоритетов государственной региональной политики в России тем более важна, что объектов, нуждающихся в реализации этой политики, слишком много, *большинство территорий страны несамодостаточно по многим основаниям*. Так, исключительно важная роль средних и малых городов, а также поселков городского типа в организации социальной и экономической жизни страны и, одновременно, бедственное положение большинства этих поселений, где проживает почти 40 % граждан России, может служить серьезным основанием для того, чтобы эти населенные пункты стали самостоятельным объектом государственной региональной политики.

Существенно, что с началом реформ естественные различия городов дополнительно поляризовались, и при этом резко обособилась группа мегаполисов и региональных «столиц», сложились *диаметрально противоположные ситуации* (от уверенного развития до депрессии с потерей городского статуса) *в одних и тех же типологических группах городов*. Поэтому стали явно нерезультативными ранее применявшиеся единообразные меры государственной поддержки городов и обозначилась необходимость перехода к политике *индивидуализированного* решения проблем каждого конкретного города с разработкой и сопоставлением многовариантных концепций и программ. Но кто скажет, *что и где* должен сделать федеральный «центр» по этому поводу, и его ли дело помогать *всем*?

При обосновании приоритетов по рассматриваемому направлению государственной региональной политики следует учитывать и вероятность значительного сокращения занятости на городских промышленных предприятиях (это — одно из главных условий повышения их конкурентоспособности), что выдвигает общегосударственную задачу поддержки профессиональной мобильности высвобождаемых горожан и стимулирования диверсификации экономики с резки креном в сторону многопрофильного малого бизнеса, самозанятости и т. п. Аналогичная ситуация будет складываться в ряде закрытых административных территориальных образований и в городах, возлагающих надежды на статус «наукограда»[†].

Новая региональная политика должна учитывать и то важное обстоятельство, что *российское село* в гораздо большей степени, чем город, ожидают серьезные, системные перемены. Их сущность и формы определит безальтернативный переход от затянувшегося *периода выживания* к периоду *коренной реструктуризации и выборочного развития*. Если такого перехода не будет, то российское село в своей массе деградирует и превратится в маргинальный сектор социальной и экономической жизни. Можно предполагать, что переход большинства российских сел к стадии реструктуризации и выборочного развития будет весьма болезненным.

В предыдущий период были объективные причины для крайне слабого использования потенциала развития села: огромного массива продуктивных земель, емкого внутреннего рынка продукции, относительно небольших размеров необходимых вложений и минимальных сроков их реализации и т. п. Использование этого потенциала в будущем станет возможным лишь при коренной переориентации самого сельского населения на работу в жестких условиях рыночной конкуренции, чему может способствовать начавшийся во всем мире рост цен на продовольственные товары. Для активизации этого процесса необходимы: а) выборочный и мобильный протекционизм; б) реализация беспрецедентной по масштабам программы строительства межпоселенческих дорог и сельских телекоммуникаций и в) воссоздание стабильного пассажирского сообщения на внутрирегиональном уровне. Альтернативой может стать прирост реальной безработицы в миллионы человек и формирование антирыночного, социально неблагополучного и дестабилизирующего эконому всей России сельского пояса.

Государственная региональная политика в отношении городских и сельских населенных пунктов непосредственно связана с задачами оздоровления социально-экономической и экологической ситуации на *локальных депрессивных территориях*. Государство должно быть заинтересова-

[†] Поэтому при разработке государственной региональной политики необходимо оценить выгоды сохранения особой статусности с последовательным освобождением от «закрытости» целых населенных пунктов и от сугубо исследовательского профиля «наукоградов».

но в оздоровлении территорий неблагополучия, которые рано или поздно могут стать зонами политического и социально-экономического напряжения, способного дестабилизировать положение на значительных пространствах или даже во всей стране в целом. *Полная* реабилитация депрессивных территорий не всегда возможна, и в ближайшее время речь может идти лишь о *снятии аномальной остроты проблем*. При этом необходимы *системные по содержанию и индивидуальные* механизмы оздоровления ситуации с установлением общих критериев и процедур диагностирования состояния депрессивности отдельных территорий, а также порядка разработки и реализации федеральных и региональных программ их оздоровления.

Основным видом депрессивных территорий как объектов государственной поддержки следует считать *муниципальные образования*. Отбор таких территорий должен осуществляться по инициативе региональных и местных властей на основе единообразных критериев. Обязательным условием для отбора депрессивных территорий в качестве объектов государственной поддержки должно стать наличие программ, обосновывающих *принципиальную возможность* вывода конкретной территории из депрессивного состояния, содержащих адресный перечень необходимых для этого мер (проектов) на местном, региональном и федеральном уровнях, расчеты требуемых для этого финансовых ресурсов из местного, регионального и федерального бюджетов, доказательство невозможности решения проблемы без участия федерального и регионального бюджетов, обоснования форм и методов нормативно-правового закрепления на федеральном и региональном уровнях *особых условий* реализации мер государственной поддержки конкретной депрессивной территории.

Бесспорными, по нашему мнению, приоритетами государственной региональной политики должны стать разработка и реализация долгосрочной стратегии хозяйственной деятельности, инфраструктурного обустройства и обжитости северных территорий и арктической зоны России с учетом интересов коренных малочисленных народов, стратегии использования огромного потенциала крупнейших городов, современное и, главное, перспективное воздействие которых на региональную ситуацию оценивается более чем неоднозначно, а также стратегии государственного регулирования проблем во всех отношениях важнейшего макрорегиона страны — Дальнего Востока.

В современной России уже имеются некоторые атрибуты государственной региональной политики, но отдельные действия и механизмы регулирования территориального развития пока еще концептуально не связаны, фрагментарны и несоординированы. Естественно, что такое положение не катастрофично, но негативные последствия несогласованности позиций «центра» и регионов в вопросе о перспективах развития и о путях

решения региональных проблем имеют свойство накапливаться. Россия вступает в один из самых сложных периодов своего исторического существования, и упреждающее формирование однозначно воспринимаемых приоритетов развития отдельных регионов страны с созданием официально установленных процедур и механизмов реализации этих интересов в форме государственной региональной политики следовало бы считать если не решающим, то, по крайней мере, весьма существенным фактором стабильности социально-экономической и политической ситуации.